

ДЕТИ
ВОЙНЫ

Елена ПОДКАТИК

ТОЧКА

Дети войны

Елена Подкатик

Точка

«Четыре четверти»

2014

Подкатик Е. С.

Точка / Е. С. Подкатик — «Четыре четверти», 2014 — (Дети войны)

ISBN 978-985-7058-65-5

Основное действие повести «Точка» происходит в Минске в двух временных измерениях – октябрь 2009 года и период оккупации города во время Великой Отечественной войны. Главная героиня повести Людмила Стаханова принимает участие в Республиканской переписи населения 2009 года. При довольно странных обстоятельствах она знакомится с Миррой Львовной Андреевой – одинокой 92-летней старушкой, бывшей узницей Минского гетто. Эта нечаянная встреча двух женщин показала, что случайностей не бывает. Каждое наше действие может кого-то спасти, а кого-то погубить. Яркое тому подтверждение – невероятные жизненные коллизии Стеллы Андреевой и Минны Браун, судьбы которых тесным образом сплелись с жизнью Людмилы Стахановой.

ISBN 978-985-7058-65-5

© Подкатик Е. С., 2014

© Четыре четверти, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Подкатик

Точка

Повесть

Пролог

28 октября 2014 года. Минск

– Мама, почитай! Смотри, какая книга! Здесь, наверное, много сказок. О маленькой девочке, её маме-принцессе и её бабушке-королеве. Они были добрыми, жили в красивом замке. А потом к ним приехали с войны принц и король, – моё маленькое синеглазое чудо в полной уверенности, что в такой толстой книге просто обязаны быть тысячи сказочных историй, тащило перед собой увесистый том «Статистического сборника Национального статистического комитета Республики Беларусь».

– Солнышко, посмотри, здесь нет сказок, – я наугад открыла страницы. – Вот, послушай, о чём написано: *«С 14 по 24 октября 2009 года на территории Республики Беларусь состоится перепись населения. Перепись населения является основным источником формирования информационных ресурсов, касающихся численности и структуры населения в сочетании с социально-экономическими характеристиками, национальным и языковым составом населения, его образовательным уровнем...»*¹.

– Мама, а кто такая эта «перепись населения»? Принцесса? И как она «состоится»? А население? Это когда люди живут на селе? – дочка легонько дёргала меня за рукав в ожидании ответов.

Я захлопнула книгу, обняла свою маленькую выдумщицу.

– Боюсь тебя огорчить, милая, но перепись населения совсем не принцесса. Скорее всего, это королева. Она должна знать, сколько человек живёт в королевстве. Для этого её верные пажи ходят по дворцам, замкам, хижинам и шалашам – по всем домам, где живут люди, и пересчитывают их.

– А люди радуются, да?

– Конечно, радуются. Представь, живут люди – взрослые и дети, маленькие и большие, молодые и старенькие. Кто-то живёт в большой семье, а у кого-то нет никого. Вот так и живут одни. Бывает, что им не с кем поговорить.

– Совсем-совсем не с кем?

– Совсем-совсем.

– А почему так получается?

– Не могу тебе сказать. У каждого по-разному.

– Давай пожалеем таких людей. Ты знаешь кого-нибудь, кто живёт один?

– Да, моя хорошая, я знаю таких людей.

Память услужливо распахнула створки времени и легкокрылой птицей взметнулась в синее небо октября 2009 года. Небо, которое помнило мгновения столетий...

¹ Основные организационные и методологические положения переписи населения Республики Беларусь 2009 года // Статистические сборники Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Т. 1.

Глава 1

13 октября 2009 года. Минск

День включил режим «всё против меня». С утра так некстати пошёл дождь. Мелкий и моросящий, к вечеру он навевал такую тоску, что Миле захотелось сделать что-то из ряда вон выходящее. Например, разбить окно.

А что? Это мысль.

Рука потянулась к ящику письменного стола, где мирно дожидался своего звёздного часа довольно увесистый дырокол цвета розового фламинго.

Нет, это сумасшествие какое-то! Глупость полнейшая!

Во-первых, в офисе станет холодно, осколки разлетятся по полу – убирать придётся. А во-вторых, мои желания давно запрятаны в дальний угол души, остались только потребности. Да и те деградируют.

Мила, соберись. Не время сейчас копать в себе.

Ящик захлопнулся, дырокол обиделся: ещё бы, в кои-то веки ему предстояло сыграть яркую роль в скучной канцелярской рутине. Ан нет, хозяйка запаниковала.

Всё. Успокаиваемся. Думаем дальше.

Что же такое сделать, чтобы он понял?

Упрашивать всё равно бесполезно. Вряд ли летящий в окно дырокол образумит начальство в лице Андрея Викторовича Стожкова, но он должен понять, что посылать её, Людмилу Стаханову, работать переписчиком населения – такая же бессмысленная затея, как и метание дыроколов.

Двенадцать дней коту под хвост. Кому вообще нужна эта перепись? Нет, ну понятно, что государство заботится о своих гражданах и раз в десять лет пересчитывает их количество. Мила даже с некоторым удовольствием вспомнила, как она, будучи студенткой пятого курса, отвечала на вопросы представителя переписи 1999 года – уставшей тётки лет сорока с потёртым зелёным портфелем. Она позвонила в дверь поздно вечером. Прямо с порога просипела дежурно:

– Ваше имя?

Несколько удивившись, но, будучи девушкой, воспитанной в лучших традициях советского прошлого, Мила вежливо ответила:

– Людмила.

– Отчество?

– Михайловна.

– Людмила Михайловна, назовите вашу фамилию.

Тут уж Мила решила проявить бдительность.

– Простите, а с какой, собственно, целью вы задаёте подобные вопросы?

Женщина заученным жестом достала из кармана потёртые «корочки»:

– Извините, забыла представиться. Наталья Семёновна Чижикова, переписчик на вашем участке. Вот мои документы. Всё в порядке, не волнуйтесь. Просто назовите свою фамилию, я сверю её со списками и задам несколько вопросов.

– Вам какую фамилию? Ту, с которой родилась, или ту, с которой живу? А может, фамилию, которая у меня ещё будет? – Мила хитро прищурилась, решив немного похулиганить.

– У вас что, три фамилии? – женщина испуганно посмотрела в свои записи, достала из портфеля зелёную книжицу, перелистала пару страниц. – Подождите, вы что, шутите таким образом? Учтите, я при исполнении!

Миле стало смешно и одновременно жаль эту странную женщину с нелепым зелёным портфелем. Потухший взгляд когда-то ярко-синих глаз, сторбленные плечи – всё говорило о том, что перед девушкой стоял человек, который смертельно устал.

– Простите меня, пожалуйста, за глупую шутку. Проходите в комнату. Там и поговорим. Я – Людмила Михайловна Стаханова, 1974 года рождения. Родилась и проживаю всё время по этому адресу. Улица Немига. Родной язык – русский. Место работы, вернее учёбы, – Белорусский государственный университет, будущий экономист.

– Вы живёте одна?

– Нет, родители в отъезде.

– Досадно, придётся ещё раз к вам идти. Когда они вернутся?

Миле стало ещё больше жаль бедную женщину, вынужденную вечерами ходить по чужим квартирам.

– Они вернутся через месяц. А давайте я за них отвечу на вопросы. Я ведь могу это сделать?

– Что ж, давайте заполним анкеты и на них.

– С удовольствием. Только перед этим я напою вас чаем. Не возражаете?

Почти два часа они сидели за узким кухонным столом и говорили, говорили... Отвечая на вопросы в переписном листе, Мила рассказывала Наталье Семёновне про себя, своих родителей.

– Знаете, мои мама и папа – удивительные люди. Они познакомились в 1971 году. Мама ехала в командировку, папа оказался с ней в одном вагоне. Они познакомились и вместе вышли на вокзале в Минске, чтобы больше уже никогда не расставаться. Маму командировали в Минск на совещание директоров детских домов. Она тогда только-только стала директором одного из детских домов Подмосковья. А через полгода мама переехала в Минск – к папе. Сыграли свадьбу. В семьдесят четвёртом родилась я.

– Людочка, вы так интересно рассказываете о своей семье. Жаль, что у меня не сложилось. Сначала отец нас с мамой бросил, потом муж мой решил повторить этот же путь. Трое деток у меня. Как говорится, мал мала меньше. Как выживаем, сама удивляюсь, – Наталья Семёновна отставила чашку с зелёным чаем, сняла с плеч чёрно-белый полосатый шарф и расстегнула тёплую вязаную кофту. – Да что говорить. Устала я. Бросаюсь на каждую подработку, как Матросов на амбразуру. Вот и сейчас. Думаете, мне очень хочется ходить по чужим квартирам? Просто пообещали лишние копейки, вот и всё.

Я впервые не знала, что ответить человеку, который, очевидно, безумно устал.

– Наталья Семёновна, а давайте мы вашим детям поможем. Знаете, у меня остались детские вещи. Мои. У вас кто – девочки или мальчики?

– Две девчонки и пацан. Девчатам семь и девять лет, а сын большой – в декабре будет тринадцать. Вы не беспокойтесь. Проживём. Извините, что я тут разоткровенничалась. Тепло у вас. Спокойно. Пойду я, пора.

– Никуда вы не пойдёте! Вот телефон – звоните детям. Надеюсь, вы живёте рядом, – во мне неожиданно проснулся деятельный мамин характер. – Вечер долгий, а мне делать нечего. Давайте устроим себе праздник! Пусть захватят краски и карандаши.

– Вы шутите? – Наталья Семёновна выглядела то ли испуганной, то ли удивлённой.

– Ничего я не шучу. Звоните детям и зовите их сюда. Думаете, мы не справимся с тремя непоседами?

Пока женщина звонила детям, объясняла, как дойти до нашего подъезда (жили они, оказывается, в соседнем доме), я успела замесить тесто на пиццу и заварить новую порцию чая.

– Людочка, вы удивительная девушка! Спасибо вам за проявленную заботу.

– Наталья Семёновна, давайте без лишних комплиментов, а то я превращусь в бронзовую статую. Впору ставить на площади с табличкой «Она помогала людям». Поверьте, мне нравится возиться с детьми. Помните, кто моя мама? Директор детского дома. Этим всё сказано.

– У вас замечательная мама. Кстати, а каким было ваше детство?

– Всё как обычно: росла, в сад пошла, потом в школу. Папа заботился обо мне, как вторая мама. Когда не в рейсе, в сад отвозил, купал по вечерам, нянчился с моими разбитыми коленками, насморками и прочими детскими «радостями». А мама... Она постоянно в детском доме на дежурствах. Когда папа в рейсе – он у нас водитель, – я с мамой: не оставлять же ребёнка одного. В общем, выросла в детском доме. И с детдомовскими детьми. Мама жалела их всех, домой брала на выходные.

Звонок в дверь ненадолго прервал разговор. Пришли дети, умные и воспитанные, не по годам взрослые: Катя, Лена и Максим.

Мила давно так не радовалась гостям. Все вместе они ели горячую ароматную пищу, пили чай и одновременно играли в города. Потом Мила включила видеомэгнитофон со всеми любимым мультфильмом «Ну, погоди!» и вернулась к Наталье на кухню.

Потом Мила опять долго и с удовольствием рассказывала о своём детстве. В этот вечер она чувствовала себя так, словно они с Натальей – старые знакомые, которые встретились после долгой разлуки: женщина оказалась на редкость талантливой слушательницей.

Давно всё это было.

Мила вздохнула и посмотрела на потухший экран монитора.

До конца рабочего дня оставался час, а работы – часа на три. Нужно успеть свести квартальные отчёты двух дочерних компаний, проверить платёжки и товарные накладные.

На склад уже не успеть, придётся просить Юльку завтра сходить и навести там порядок. Она, конечно, не обрадуется, но против Андрея Викторовича и переписи населения особо не выступишь.

Вот повезло, так повезло. И не откажешься!

Заболеть, что ли? Так ведь проверят.

И отношения в коллективе портить не хочется.

Что ж, от судьбы не уйдёшь.

* * *

28 марта 1912 года. Крефельд, Германия

– Генрих, я не совсем понимаю, почему ты злишься? Роза уже взрослая девушка, она имеет право заниматься любимым делом. Я не усматриваю в её поступке ничего криминального. К тому же ты сам настаивал, чтобы она была всесторонне развитой.

– Да, я настаивал. Мы нанимали лучших преподавателей для обучения дочери, однако я не предполагал, что она может послушаться отца. И вообще, я не понимаю, зачем ей это надо?

Генрих Шнайдер, владелец крупнейшей в Германии текстильной фабрики, широкими шагами мерил гостиную, размахивая апрельским номером журнала «Kunst und Künstler»². У окна, любуясь на вечерний закат, стояла его жена Алиса – миниатюрная брюнетка в чёрном атласном платье, расшитом белыми шёлковыми цветами.

– Генрих, остынь. Думаю, что она всё тебе объяснит.

– Что ж, постараюсь дождаться. Кстати, чья это была идея? Кто предложил Розе позировать для журнала? Я уже не спрашиваю, кто ей разрешил это сделать? – в который раз одёрнув

² «Kunst und Künstler» (нем. «Искусство и художник») – немецкий журнал, выходил в Берлине в издательстве «Бруно Кассирер» с октября 1902 по июнь 1933 г. и имел подзаголовок «Ежемесячник по изобразительному и прикладному искусству».

идеально сидящий сюртук, мужчина достал из кармана золотую луковицу часов. – Вот где она? Давно уже пора быть дома. Я удивляюсь твоему спокойствию, дорогая! С кем общается наша девочка? Фотографы, художники, поэты. Нет, я не против искусства, но Розе нужно заниматься другими делами. И вообще...

Алиса подошла к мужу, с нежностью поправила его чуть сбившийся при ходьбе галстук, взяла под руку:

– Присядь, мой дорогой. Вот твоё любимое кресло. Генрих, ты много работаешь. Насколько я знаю, дела на фабрике идут хорошо. А не съездить ли нам отдохнуть в ближайшие месяцы? Баден-Баден, к примеру... Как ты смотришь на это предложение?

– Конечно, нам всем следует отдохнуть. И я подумаю, как это можно будет устроить, – Генрих заметно успокоился, поцеловал руку жены. – Но, Алиса, прошу тебя, не уходи от разговора. Кто предложил нашей дочери принять участие в фотосъёмке?

Улыбнувшись кончиками губ, Алиса обняла сидящего в кресле мужа:

– Что касается журнала, то, насколько я знаю, фотосъёмку Розе предложил твой старинный друг – Бруно Кассирер.

– Бруно? – Генрих Шнайдер от удивления привстал с кресла. – Когда это он успел? Ах, этот старый лис! Ты уверена?

– Я уверена лишь в том, что наша дочь приняла участие в фотосъёмке для апрельского номера журнала «Kunst und Künstler», издателем которого является один из братьев Кассирер – Бруно. И я не разделяю твоего волнения по поводу этого журнала. Как тебе известно, издательство «Бруно Кассирер» и галерея «Кассирер» – одни из самых известных в Германии, а братья Кассиреры – не менее известные деятели немецкой художественной культуры. Думаю, нет ничего страшного в том, что фотография Розы будет в этом журнале. Тем более что пропагандирует она семейные ценности. Посмотри, как хороши фотоснимки. Фотограф верно выбрал декорации, костюмы. Дорогой, это – творческая работа и ничего более.

Алиса взяла из рук мужа журнал. На центральном развороте притягивала внимание чёрно-белая фотография молодой семьи с ребёнком. На фоне морского пейзажа шли, держа за руки маленькую девочку, улыбающиеся родители.

– Розе всего восемнадцать. Она молода для роли матери. Снимки, конечно, хороши, но почему я не знаю мужчину рядом с ней? Кто это? Надеюсь, в жизни Роза не имеет с ним ничего общего?

Алиса снова улыбнулась:

– Наша девочка выросла. Она вся в тебя – умеет принимать правильные решения. Мы должны научиться доверять ей. Это замечательные снимки. Пусть наша Роза пока не замужем, но уже понимает, что счастливая семья – залог успешной жизни. Может быть, эти фотографии помогут кому-нибудь в трудную минуту. Кто знает.

– Через месяц еду в Берлин. Найду Бруно и поколочу его. Главное, нашёл идею для фотографии. И ведь ничего не сказал. И Роза тоже хороша. Замуж ей пока ещё рано. Даже и на фотографии. Пусть занимается учёбой. Женщина должна быть...

– Милый мой муж, женщина должна быть просто женщиной, любимой и любящей, – вот тогда всё будет хорошо, – с этими словами Алиса положила журнал на край секретера. – Время ужина, дорогой. Нас ждут в столовой.

– Подчиняюсь вашей воле, милая мадам! Чтобы я делал без своей любимой жены. Ты бальзам для моей души, – Генрих галантно взял жену под локоть и повёл в столовую. – Кстати, перед нашим семейным отдыхом в Баден-Бадене мне придётся немного поработать в России. Примерно через полгода я поеду в Москву с крупной партией товара.

– Надолго?

– Думаю, месяца на два.

– Мы будем с нетерпением тебя ждать, дорогой!

– И всё-таки нужно что-то делать с Розой! Она совсем от рук отбилась!

– Генрих, всё будет хорошо. Очень хорошо. Не волнуйся.

Счастливая семейная пара Шнайдер неспешно прошествовала на тихий семейный ужин.

А сиреневые мартовские сумерки с любопытством заглядывали в окна гостиной. Через некоторое время комната начала погружаться в полумрак. Солнечный луч легко коснулся старинной картины, с которой радостно улыбалась миру Дева Мария, потом пробежался по обложке журнала и на мгновение замер на фотографии, с которой также радостно улыбалась своему будущему счастливая девушка Роза.

Глава 2

14 октября 2009 года. Минск

Кошка смотрела прямо в глаза, враждебно подёргивая из стороны в сторону длинным рыжим хвостом. Изумрудные зрачки фосфоризировали, отражая нескладную фигуру представителя переписи населения с нелепым портфелем.

– Ну-ну, ты там не очень-то маши, хвостатая! Не боюсь я тебя!

Из-за рыжей кошки выглянула ещё одна, чёрная. Она участливо посмотрела на меня, выгнула спину и отвернулась.

День сегодня, в общем-то, прошёл успешно. Утром в районном пункте переписи населения я прошла обучение и получила карту своего участка: несколько домов по улицам Немиге, Обойной, Освобождения и Раковской. Список жильцов, пачка переписных листов и зелёный портфель с ляжкой через плечо – переписчик Людмила Михайловна Стаханова готова к работе. Прошу любить и жаловать. Любить, кстати, меня было некому. Не сложилось, знаете ли, к тридцати пяти годам. Так бывает. Я к этому вопросу отношусь философски. Вот только мама не разделяет моих мировоззрений на этот счёт. Что ж, не будем о грустном.

Инструктаж по технике безопасности прошёл бодро и весело.

– Позже восьмью вечера по квартирам не ходить. Если в доме находятся неадекватные люди, не кричите, а начинайте свистеть. Для этих целей в портфеле у каждого переписчика есть свисток.

Татьяне Петровне Кругловой – начальнику нашего пункта переписи населения – на вид было лет сорок пять. Высокая и мощная, она на примере моего портфеля обстоятельно рассказала, как нужно доставать свисток, как светить фонариком в темноте и как убегать от бродячих собак. В её исполнении все проблемные моменты казались детскими сказками. Такого переписчика будут бояться не то, что собаки, – птички не посмеют пролететь без разрешения.

Так думала я, соизмеряя свои пятьдесят два килограмма живого веса и сто шестьдесят сантиметров роста с намного более внушительными габаритами Татьяны Петровны.

– Главное – больше ходить днём и не соваться, куда не следует, по вечерам, особенно в частный сектор. В прошлый раз я принимала участие в переписи населения – насмотрелась всяких нехороших вещей, – Татьяна Петровна шумно вздохнула, отдала мне портфель и совсем неожиданно выдала. – С Богом, дорогие мои переписчики! Хоть бы всё прошло успешно и никого из вас не выгнали, не побили, не... Впрочем, всё будет хорошо!

Воодушевлённые жизнеутверждающей речью временной начальницы, мы дружной толпой вышли на свежий воздух.

Итак, переписная кампания обещала быть интересной. Сверимся с картой. Как раз на моём участке было одно из «неудобных» в плане вечерних визитов мест. Улица Раковская. Живописный уголок, но близко познакомиться с архитектурными и историческими особенностями его застройки до этого дня не довелось. Так, отрывочные хрестоматийные сведения из учебника по истории за седьмой класс... Или за восьмой?

Сегодня утром, проходя мимо, я отметила, что первый дом на Раковской почему-то под номером 12. Сама улочка довольно узкая и извилистая. Дома старые, видно, что в некоторых идёт внутренний ремонт. Пару домов стоят в строительных лесах, на дороге местами укладывается плитка. Я оглянулась в поиске начала улицы. Где дома под номерами 1, 2? В крайнем случае, должно что-нибудь напоминать о начале улицы. Из общей картины выбивался старый двухэтажный особняк на пригорке. Издалека номер здания еле просматривался. Складывалось впечатление, что этот дом стоял как-то обособленно, затерянный среди многоэтажных собратов. Окна второго этажа местами были открыты, некоторые попросту разбиты. Скорее всего, там уже никто не жил, однако стоило проверить.

Решила навестить жителей улицы Раковская в полдень, но на деле это удалось только ближе к вечеру. В большинстве домов люди не просто дежурно отвечали на вопросы – они хотели обстоятельно поговорить «за жизнь», поэтому, обойдя сорок восемь квартир, я чувствовала себя так, словно в один вечер написала квартальный отчёт сразу за все отделы. Сверившись со списком, я поняла, что работу свою выполнила на два или даже на три дня вперёд. Можно отдохнуть. К тому же быстро темнело. Пора домой. Но почему-то необъяснимо тянуло в сторону улицы Раковской. Сегодня утром в ЖЭУ мне пояснили, что жильцы этого странного дома разъехались по другим адресам, здание подлежало капитальному ремонту.

Какого лешего мне там надо?

Ответственность, будь она неладна. К тому же, лучше всё проверить сегодня, чтобы завтра с чистой совестью планировать посещение других домов.

Пять минут от Немиги, и вот я здесь. Можно, конечно, сказать на переписном участке, что строение нежилое – проверять никто не будет. Однако же целый день мысли возвращались именно к этому дому. Пусть там никого нет, но свою работу я привыкла выполнять досконально.

Итак, сканируем местность. Узкая лента дороги вплотную подступает к домам. По обе стороны брусчатки замерла бесконечная, местами хаотичная вереница иномарок. Немудрено. В самом начале улицы старые особняки, сами того не желая, манили прохожих коваными решётками, безжизненным неоновым и броскими вывесками. Здесь расположились небольшие кафетерии, бары, магазины, офисы. Я совсем не против рекламы, даже наоборот, ценю качественную подачу информации, но почему-то на этой улице не было праздника. Здесь витало что-то непонятное, невысказанное. Загадка. Я не люблю загадок, поэтому прошла по всей улице, свернула на Обойную, заглянула на улицу Освобождения. И отовсюду, казалось, наблюдал за мной небольшой двухэтажный особняк, затерянный в громадных строительных лесах соседних зданий. Буквально через дорогу от него вырос девятиэтажный гигант какой-то заморской компании. С другой стороны маячил бетонный скелет очередного торгового центра. Минск активно застраивался.

Вернувшись, я подошла к дому, завернула во двор. И окунулась в тишину. Здесь, на пятачке буквально в сто квадратных метров, жил своей неспешной жизнью уютный дворик в поздних цветах. Много зелени, мостовая выложена булыжником... Удивительно тихо, даже не верится, что рядом – шумная Немига. Возле дома звуки большого города не просто терялись, растворяясь в пространстве. Вместо них стояла такая тишина, словно всё было заполнено ватой.

Дом напрягает свои старые стены, дышит сквозь ватную тишину и молчит.

Он хочет поговорить, но не может.

А может быть, его никто не слышит.

Всё-таки должен был кто-то из жильцов остаться. Или здесь живут только кошки?

«Людмила, кошки не могут жить одни. Не придумывай страшных историй о брошенных на произвол судьбы голодных животных».

Я посмотрела на окно. Старая разошедшаяся рама изъедена временем. Подоконник вообще выглядит странно: разделён на две половины, в одной из которых – той, что дальше от стекла, – вовсю цветут солнечные друзья осени – бархатцы. Подоконник-клумба. Как интересно. Главное, необычно. Знала бы я, что «необычности» только начинаются...

Впрочем, обо всём по порядку.

Полюбовавшись на цветы, я подняла глаза выше. В сумерках казалось, что кошки на подоконнике превратились в маленьких, но грозных сфинксов. А за ними стояла, не двигаясь, чёрная тень.

Холодные мурашки пробежали от макушки до пяток. Я поёжилась.

«Мила, не бойся! Всё хорошо. Это твоё воображение. Зайди в подъезд и позвони в дверь», – уговаривала я сама себя, но зайти не решалась.

«А может, домой?» – внутренний голос звенел в ушах, заглушая здравый смысл.

Надо сказать, что живу я совсем недалеко, но никогда не была в этом районе. Даже странно. Видимо, не по пути. Или не ко времени.

Нет, дорогая, никуда ты не пойдёшь. Будем разбираться.

Оглянувшись, я собрала волю в кулак и открыла дверь в подъезд. В нос ударил чудовищный запах кошачьей мочи.

Ничего ж себе! Глаза запекло, нос отёк.

Я выскочила как ошпаренная.

Через минуту – повторная попытка. Снова безрезультатно.

А октябрьский вечер уже проявлялся в закатном потоке, набирая силу и обещая через полчаса покрыть мраком город и его жителей.

Нет, я буду не я, если не попаду внутрь этого странного дома.

Надо обойти вокруг, постучать в окна: кто-то же должен отозваться. Кошки не могут жить одни.

Стоп!

У меня в портфеле лежит список возможных жильцов этого дома. Как же я сразу не вспомнила?

Так, в портфеле каждого переписчика ещё имеется и фонарик, что очень удобно в создавшейся ситуации. К тому же есть ещё и свисток. Тоже очень удобно: будет страшно – буду свистеть.

Я села на деревянную скамейку у входа и начала листать списки жильцов.

«Воротынцева О. М., Воротынцев М. О. Квартира номер четыре» – этих точно нет, на втором этаже даже шторм не осталось.

«Симанская Н. Ф. Квартира номер три» – их соседка, тоже, по всей видимости, съехала. Одно из окон открыто настежь. Вряд ли бы хозяйка практиковала такое проветривание в октябре.

«Музолевский К. Н. Квартира номер один» – если нумерация квартир идёт слева направо, то именно в этой квартире на первом этаже разбиты два окна. Жить там нельзя.

Оставалась квартира под номером два.

«Андреева М. Л.».

Кошки в окне посмотрели на меня с явным уважением.

С достоинством известного детектива, жившего на не менее известной улице под названием Бейкер Стрит, я положила список в портфель, взяла в руки свисток и фонарик.

Ваш выход, Шерлок!

Воздух в лёгких закончился у самой двери, на второй вдох я не решалась.

И тут, то ли от недостатка кислорода, то ли от ощущения, что схожу с ума, я увидела открывающую дверь, обитую чёрным ободраным дерматином, и высокую чёрную фигуру на фоне окна. Фигура странно махала руками и шла прямо на меня.

Фонарик глухо упал, «Шерлок» жалобно вскрикнул и выскочил из подъезда.

Очнулась я на Юбилейной площади. Октябрьский вечер, как и обещал, затягивал прохладой уставшие дома. Сумерки глушили звуки, город зажигал фонари.

А моё сердце, как пишут в романах об истеричных дамах, «трепетало и готово было выскочить из груди». Вязаный шарф чудом держался на плечах, у левой ноги сбился в нервный ком портфель переписчика. Что тут скажешь – красавица!

Ноги подкашивались, просили временной передышки. Скамейка недалеко от какого-то памятного знака весьма кстати предложила свои услуги. Постепенно я успокоилась и попыталась мыслить логически.

Итак, включаем логику. Если я видела чью-то фигуру, значит, там живёт человек. И, возможно, это «Андреева М. Л.», как указано в моём списке. Бояться нечего. Зачем я побежала? Тут, на освещённой со всех сторон площади в центре города, мой побег казался смешным и нелепым.

Я вздохнула. Что ж, пора домой. Выпью кофе, полежу в ванной с лавандовым маслом. Страх пройдёт. Обязательно пройдёт.

Я привыкла доводить свои дела до конца. Чего бы мне это ни стоило.

Завтра утром пойду туда и обязательно поговорю с загадочной хозяйкой странного дома на улице Раковской.

Взгляд скользнул по памяtnому знаку – огромному чёрному камню высотой с человека.

«Ахвярам нацызму. На гэтым месцы ў 1941–1943 гг. нямецка-фашысцкія захопнікі стварылі гета для яўрэяў Мінска і яго ваколіц. Тут загінулі больш за 100 000 чалавек, у тым ліку і яўрэі многіх краін Еўропы. Амаль усе яны загінулі ў час пагромаў. Былі расстраляны і спалены ў лагеры смерці Малы Трасцянец».

Юбилейная площадь светилась огнями витрин, в окнах многоэтажек отражались первые звёзды, поток машин безжалостно вдавливал в асфальт жёлтые дни октября. Сто тысяч человек лежали здесь, под моими ногами. Сто тысяч любящих и любимых, весёлых и грустных, мужчин и женщин, стариков и детей.

Светлая память вам, люди, не вернувшиеся с той войны...

Вечером, после обещанных самой себе ванны и кофе, я открыла ноутбук и впервые с интересом принялась изучать историю Минска. Общие темы особо не впечатлили, но когда очередь дошла до прошлого Немиги, Раковского предместья и, собственно, улицы Раковской, или Островской (какой она была в советское время), – тут моему удивлению не было предела.

«Улица как бы заключена между двумя высотными домами – уже упомянутыми зданиями Немиги и многоэтажным домом на Юбилейной площади. Историки предполагают, что свое имя площадь получила в честь юбилейного знака, появившегося там в 1826 году. Он был установлен на окраине Минска в честь 1500-летия Никейского собора³, который утвердил символы и догмы христианства. Долгое время Юбилейная площадь служила местом проведения базаров. Во время Великой Отечественной войны она входила в территорию Минского гетто⁴».

Так вот почему там установлен памятный знак. Минское гетто. Одно из самых кровавых мест в оккупированном городе.

Утром я стояла перед подъездом странного дома. Кошки снова сидели на окне. Я помахала им рукой и решительно открыла дверь навстречу будущему. Или прошлому. Я открыла дверь самой себе.

³ Первый Никейский собор – собор Церкви, признаваемый Вселенским; состоялся в июне 325 года в городе Никея (ныне Изник, Турция); продолжался больше двух месяцев и стал первым Вселенским собором в истории христианства.

⁴ Минское гетто (20 июля 1941 – 21 октября 1943) – еврейское гетто, место принудительного переселения евреев Минска в процессе их преследования и уничтожения во время оккупации территории Беларуси войсками нацистской Германии в период Второй мировой войны.

* * *

13 октября 1938 года. Гданьск, Польша. Родильный дом, включённый в программу «Лебенсборн»⁵

Теплота и безмятежность внезапно сменяются необъяснимой тревогой. Что происходит? Напряжение растёт, я чувствую начало неизвестности. Как больно! Кроваво-красный водоворот затягивает в глубину подсознания. Страшно, Господи! Как страшно! Задыхаюсь. В ушах гудит, нечем дышать! Голову сдавливают беспощадные тиски. Впереди – холод и мучения. Это конец. Неужели конец?

– Ein Mädchen!⁶

Что происходит? Где я? Кто я? Почему так холодно и больно?

– Moja córeczka! Moja ulubiona!⁷

– Die siebtes. Wenn es weiter geht, haben wir die unnötige entfernen⁸.

В ушах нарастает шум, прикосновения заставляют дрожать и корчиться от нестерпимой боли. Кричу. Плачу. Люди, я одна из вас! Это начало! Встречайте меня с любовью!

– Gesundes Mädchen, alles in Ordnung⁹.

– Beginnen Sie!¹⁰

Меня уносят из комнаты. Тепло. Засыпаю. Чужие руки бьют по щекам. Чувствую, что безвозвратно теряю самое близкое и родное.

– Schlafen Sie nicht!¹¹

Рядом – каменный человек, ткань с пауком. И Мама. Да, это моя Мама! Здравствуй, Мама! Я – твоя дочь! Где же ты? Почему не возьмешь на руки, не прижмешь к себе? Холодно. Страшно.

Оглушающая музыка. Мужчина приближается, наклоняет остро-холодное лезвие ножа к моей голове:

– Minna! Seien Sie so hart!¹²

Господи! Ангелы небесные! Защитите! Где моя Мама?

– Blasen! Das Ritual ist vorbei!¹³

⁵ Программа «Лебенсборн» основана в 1935 году под эгидой рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера для подготовки молодых расово чистых матерей и воспитания арийских младенцев (прежде всего, детей членов СС). Организации принадлежало 11 000 детей. Многие из них погибли. Большинство никогда не видели родителей: по закону они не имели прав на этих детей рейха. В документе, который подписывали арийские родительницы, так и говорилось, что мать – всего лишь звено в цепи возрождения расы, а об отце и вовсе не упоминалось. Оторванные от матерей, младенцы сразу же подвергались обряду «Приращение знамени»: маленького «сверхчеловека» клали рядом с бюстом Гитлера в окружении лавров, тут же ставили фотографию матери новорожденного и знамя СС, а затем под торжественную «Песнь о Германии» на музыку Гайдна эсэсовский директор детского дома касался ребёнка кончиком кинжала и давал ему имя, завершая обряд словами: «Будь же тверд».

⁶ Девочка! (нем.).

⁷ Доченька моя! Моя любимая! (польск.).

⁸ Седьмая. Если так пойдёт и дальше, придётся убирать лишних (нем.).

⁹ Девочка здоровая, всё в порядке (нем.).

¹⁰ Начинайте! (нем.).

¹¹ Не спать! (нем.).

¹² Минна! (женское имя, в переводе с нем. «шлем»). Будь же тверда! (нем.).

¹³ Унесите! Обряд закончен! (нем.).

Глава 3

15 октября 2009 года. Минск

– Так это вы вчера приходили? – голос хозяйки квартиры шелестел опавшими листьями прошлого века, изредка грассируя на французский манер. – Тогда заберите то, что потеряли, – и протянула фонарик переписчика.

Я молча кивнула.

Молча взяла фонарик.

Слов не было.

Только мысли.

Культурный шок.

Где-то я прочитала, что раз в жизни у каждого человека бывает культурный шок. Это может произойти в художественной галерее, когда смотришь на картины известного автора, или на ярмарке, когда окунаешься в пёстрый поток различных стилей и направлений искусства. Атмосфера спектакля, прочтённая книга, скульптурная композиция вдруг будто взрывают мозг и звучат в душе либо симфонией, либо какофонией звуков и образов. Кому как повезёт.

Нечто подобное испытывала я, находясь в комнате квартиры номер два дома по улице Раковской в центре Минска.

Двадцатый век здесь причудливо переплетался с веком девятнадцатым, предлагая неискушённому взгляду своеобразный «микс». В центре небольшой комнаты на круглом столе, застланном зелёной кружевной скатертью, стоял огромный самовар. Тускло блеснул начищенной медью и ждал гостей.

На покрашенной двери в соседнюю комнату висела одна из копий Дюрера¹⁴ (насколько я поняла, что-то из серии полотен про Деву Марию). Довольно хаотично смотрелись пять керосиновых ламп на заваленном старыми газетами подоконнике и мятый алюминиевый таз у меня под ногами, в котором празднично играла малиновыми красками коробка с кормом «Kitikat».

Пол из простых неокрашенных досок напоминал палубу заброшенного корабля. Под потолком – старинная бронзовая люстра с десятью хрустальными запылившимися ангелами. Шифоньер из красного дерева, белый кухонный буфет, огромное зеркало в простой деревянной раме, кресло с резными подлокотниками в виде львиных голов, продавленная тахта с поцарапанными витыми ножками, четыре простых табуретки и выдавшая виды складная шёлковая ширма с японскими веерами – всё это выступало из углов, нависало с потолка и готово было в любой момент рассыпаться и задавить хозяйку грудой обломков.

И кошки. Пять кошек с явным интересом наблюдали за непрошеной гостьей.

– Да, это была я. Извините, если напугала (скорее, сама позорно испугалась). Скажите, вас Мирра Львовна зовут? Андреева Мирра Львовна? Одна тысяча девятьсот семнадцатого года рождения?

– Какая же я древняя. Столько теперь не живут. Да, это я. Простите, а вас как величать прикажете?

Голос её дрожал, иногда прерываясь на полуслове. Появилось странное чувство, будто бы я слушаю старое радио. Радиопостановку по повести Горького «Старуха Изергиль».

– Людмила Михайловна Стаханова. Можно просто Мила.

– Вот и познакомились. Да вы проходите, Мила, в комнату. Присаживайтесь. Вот табуретка. В ногах правды нет.

¹⁴ Дюрер (Dürer) Альбрехт (1471–1528) – немецкий живописец, рисовальщик, гравёр, теоретик искусства. Основоположник искусства немецкого Возрождения.

Странная женщина. По всей видимости, одинокая.

– А вы здесь одна живёте? Почему не уехали вместе со всеми жильцами? Не страшно?

– Девонька! Напугать меня уже нельзя. Не тот возраст, знаете ли, – пожилая дама (язык не поворачивается назвать её старой) дотронулась до моего плеча. – У вас довольно странная сумочка. Теперь такие цвета в моде?

От её руки, тонкой, как ветка ивы, пахло поздней осенью – прелыми листьями и дымом костра.

– Нет, что вы, – я неожиданно покраснела. – Это рабочий портфель. Дело в том, что...

– Извините, вы можете говорить громче? Знаете, дорогая моя, я очень плохо слышу и почти не вижу. Оказывается, так бывает. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не чувствую. Живу долго. Не свой век, – она посмотрела в сторону окна. Мутные, с грязными разводами стёкла глухим дребезжанием подтвердили слова хозяйки квартиры. – И я никогда не бываю одна, – мне показалось, что она горько улыбнулась уголками опавших губ. Хотя нет, это была гримаса.

Боли? Страх? Ненависти?

Высокая нескладная фигура её вызвала сочувствие. Древняя ива у старой реки с усохшими ветвями ног и прутьями рук. Лицо, однако, вступало в явный диссонанс с остальными частями тела: чуть полноватое, с выпирающими скулами и почти совсем без морщин. Жидкая седина волос. И глаза. Слезающиеся, с чуть вывернутыми веками, выпцветшие глаза выдавали в ней характер жёсткий и сложный, словно у отставного генерала в ссылке. Генерала, который много плачет.

Час назад я буквально ворвалась в незапертую дверь этой странной квартиры, а она этому визиту совершенно не удивилась. Даже как будто ждала меня. Или кого-то другого?

– А не уехала, потому что не могу бросить семью, – хозяйка прикрыла глаза и чуть дрожащей рукой поправила сползающий с плеч ярко-синий вязаный палантин. – Алиса, Элоиза, Ида, Стелла... Кто поговорит с ними кроме меня? Да и родители нуждаются в уходе, – Мирра Львовна протянула руку в сторону соседней комнаты. – Там они все – ждут меня. Знаете, ведь я очень похожа на свою маму!

После минуты неловкой тишины она пытливым взглядом посмотрела мне прямо в глаза:

– Хотите познакомиться с моими родителями?

В комнате повисла неловкая тишина. В глазах собеседницы я увидела нечто такое, чему не могла дать объяснение. Непонятное, невысказанное. Жуткое.

После секундного замешательства я медленно встала с табуретки. Как это говорили на переписном участке: «...с неадекватными людьми лучше не вступать в диалог». По всей видимости, здесь как раз такой случай. Хозяйка сошла с ума. Как это я сразу не догадалась?

– Девонька, я могу вам показать, познакомить. Вы куда? Уходите? Так быстро?

– Извините, мне нужно. Совсем забыла. Срочная встреча. Дела важные. Очень срочные и важные дела. Пойду. Извините.

Я откланялась и, медленно ступая, начала двигаться мимо дверей соседней комнаты (Дюрер, однако, хорош, хотя и подделка) к выходу. Нащупав липкую ручку входной двери, нажала её. Свобода! Шаг, ещё один – и спина моя натолкнулась на что-то мощное, непробиваемое, как стальная дверь.

– Дамочка, ты что тут делаешь? Это частная территория! Кто позволил совать нос в чужие дела?

Я обернулась. Передо мной стоял мужчина лет сорока. На первый взгляд – обычный человек. Невысокий, коротко стриженный брюнет с цепким взглядом голубых глаз, обрамлённых густыми ресницами (уж простите за образы – последствия чтения дамских романов). Тёмно-синяя куртка. Светлый костюм. Явно дорогой галстук. Либо клерк средней руки, либо руководитель небольшой фирмы. А может быть...

– Дамочка! Я тебя спрашиваю! Какого лешего? Кто тебя послал? – совершенно неожиданно он схватил меня за плечи и довольно грубо оттолкнул от двери в центр комнаты.

Мятый алюминиевый таз жалобно ухнул. «Kitikat» тёмным фейерверком брызнул на японские веера складной ширмы начала девятнадцатого века. Хоть бы не испортить антикварные вещи.

«Мила, ты сумасшедшая! Какая ширма, какие веера? О чём думаешь? Тебя сейчас задушит ещё один неадекватный гражданин. Где же Мирра Львовна? Почему она молчит?»

Я беспомощно оглянулась в поиске хозяйки квартиры.

Мирра Львовна смотрела в окно. Казалось, что сейчас женщина находилась очень далеко от всего происходящего. Улыбаясь, она гладила рукой одну из пыльных керосиновых ламп.

Ну, точно: джинна из лампы вызвала. Иначе как бы этот сумасшедший появился здесь?

– Третий раз повторяю – кто тебя послал? Ты что, немая? Или умалишённая? – тёмной птицей «джинн» кружил возле стола и, как Зевс (есть у меня такой грех: обожаю легенды и мифы Древней Греции), метал глазами молнии.

Ситуация обещала выйти из-под контроля.

И тут я заметила на кресле с резными подлокотниками в виде львиных голов свой забытый зелёный портфель переписчика. Эврика!

Страх ушёл.

Сейчас я этому «джинну» покажу! Пусть он будет хоть трижды неадекватный!

– Уважаемый гражданин «как-вас-там-звать»! Во-первых, вы мне не тыкайте, я при исполнении, – десять лет назад Наталья Семёновна, позвонившая в нашу дверь для переписи, говорила точно также – вспомнилось мне кстати.

– При каком ты исполнении? Извините, вы... При каком вы исполнении? – «джинн» превратился в мужчину, издевательски скривившего губы, однако его тон в разговоре сменился на сдержанно-ироничный.

– Я переписчик, принимаю участие в переписи населения. Дома на этой улице находятся на моём участке. Так что в этом помещении нахожусь совершенно законно. И вы не имеете права меня выгнать! И вообще, вы кто такой? Живёте здесь? Прописаны? – я решила идти до конца, тем более что ирония в глазах собеседника (теперь уже синих, как летнее небо перед восходом солнца) сменилась удивлением.

Однако он быстро взял себя в руки.

– Понял. Слышал о вашей переписи. Покажите документы, удостоверяющие личность.

– Во-вторых, перепись – не моя инициатива. Это государственное дело, – я протянула ему «корочки» переписчика.

Ничего не ответив, он внимательно изучил удостоверение, отдал его и вышел. Стремительно и молча.

Дверь, выпустив странного «джинна», жалобно звякнула расшатанной алюминиевой ручкой.

Я неловко присела на краешек кресла, осторожно положив зелёный портфель на одну из резных львиных голов.

Мирра Львовна засмеялась. Засмеялась так громко, как только могло смеяться одиночество в её глазах.

* * *

14 октября 1941 года. Польшин¹⁵. Санаторий «Борков»

¹⁵ Полчин-Здруй (польск. *Połczyn-Zdrój*), Польшин (нем. *Bad Polzin*) – город в Польше, входит в Западно-Поморское воеводство, Свидавский повят. Имеет статус городско-сельской гмины.

– Minna, folge mir nach! Morgen verlässt du!¹⁶

Не обращая внимания на приближающуюся фрейлейн Гериону, прячусь в угол и торопливо листаю страницы старого журнала. Наверное, его забыла фрейлейн Катарина, наша няня. Она очень добрая, тайком от всех приносит нам конфеты. А воспитатели её не любят. Всегда ругают.

Журнал такой красивый. Правда, весь потрёпанный. На обложке цифры 1, 9, 1, 2, потом красивая закорючка и снова цифра. Я знаю эту цифру, но забыла, как называется. Она похожа на перевернутый стул. А внутри много-много букв – маленьких и чёрных, как муравьи, что бегают по тропинке в парке. Буквы выстроены ровно, словно на параде. Я не умею читать, а картинок здесь совсем мало. Но всё равно интересно. Вот река, дом, машина, деревья – они нарисованные. Я тоже умею рисовать. А вот и люди. Они не нарисованные, а как живые: тётя с дядей держат за руку девочку, одетую в розовое платье. На рисунке оно серого цвета, но я точно знаю, что платье – непременно розовое. Иначе и быть не может. Деревья должны быть зелёные, небо – голубое, а платья у девочек – розовые. У меня никогда не было такого платья. Я вырасту и обязательно куплю розовое платье. Или два. Для себя и своей мамы. Вон, какие они красивые – мама, папа и дочка, улыбаются друг другу. Дотрагиваюсь до прохладной страницы в том месте, где рука девочки соприкасается с рукой мамы. Тепло...

В комнате нас пятеро – две девочки и три мальчика. Я – Минна Браун, родилась в Познани в 1938 году. Родители отказались от нас, бросили. А добрые дяди и тёти из Германии спасли. Я люблю Германию. Это моя родина.

Сейчас по распорядку свободное время в игровой комнате. Это значит, что можно передвигаться без команды воспитательницы, смотреть картинки в книжках, играть с куклами.

– Minna Braun! Gemeine Mädchen! Komm sofort zu mir! Sie sind für Ungehorsam bestraft! Wirst du in der Ecke stehen für zwei Stunden!¹⁷

От страха захопываю журнал. С последней страницы на меня смотрит та же тётя, но уже без девочки. Девочка, должно быть, с папой ушла погулять. А тётя улыбается и протягивает мне руку. Сердце почему-то дрожит, как ослиный хвостик. Кто это? Почему я радуюсь? Торопливо и неуклюже пытаюсь оторвать страницу. Главное – сохранить. В кармашке её увидит воспитательница. Отворачиваюсь к окну и засовываю листок под платье. Бумага колется и громко шуршит. Надо терпеть.

Интересно, а как живётся той девочке в розовом платье? Наверное, хорошо. Папа и мама её не бросили.

– Minna Braun! Woher ist das Magazin da?¹⁸

¹⁶ Минна, следуй за мной! Завтра ты уезжаешь (нем.).

¹⁷ Минна Браун! Дрянная девчонка! Подойди немедленно ко мне! За непослушание ты наказана! Будешь стоять в углу два часа! (нем.).

¹⁸ Минна Браун! Откуда здесь этот журнал?! (нем.).

Глава 4

15–16 октября 2009 года. Минск

Квартира, такая родная и уютная, встретила тёплыми объятиями домашнего халата, предложила тапочки, напоила горячим чаем.

Я прилегла на диван, укрылась любимым клетчатым пледом и, как киношные героини, предалась размышлениям.

Заканчивался второй день переписи. С большим трудом мне представлялось, как выдержать остальные десять дней.

Хотя, по правде сказать, устала я по одной простой причине: слишком много удивительной и непонятной информации свалилось на меня в квартире Мирры Львовны Андреевой.

И чем дольше я думала о странной квартире, её не менее странной хозяйке и полусумасшедшем мужчине из волшебной лампы, тем меньше я хотела туда возвращаться. Зачем это нужно? Слушать выжившую из ума старуху, позволять себя оскорблять врывающемуся в дом истеричному бизнесмену?

Кто он вообще такой? Зачем пришёл к старушке? Да и вёл себя так, словно хозяин в этом доме. А лицо у него, как у одного из десяти пыльных ангелов, которые кружатся на бронзовой люстре, – преломлённое тусклым светом октябрьских сумерек. Вот он уже стоит рядом, протягивает мне гравюру Дюрера и смеётся. И тут же смеются пять кошек. Как-то по-особенному, скаля клыки, хохочет старая знакомая – рыжая бестия с длинным подрагивающим хвостом. «Ты всё поймёшь. Нужно только спросить. И поставить точку», – Мирра Львовна протягивает мне тонкую ветку ивы, ветка на глазах зеленеет и зацветает красными гвоздиками. Двенадцать прекрасных гвоздик. «Девонька, ты пришла в то самое место и в то самое время», – она переступает раму своего мутного зеркала и зовёт меня с собой.

Я осторожно ступаю за ней, прохожу, отражаясь в большом самоваре, мимо круглого стола, застланного кружевной скатертью, протягиваю руку к зеркалу и... просыпаюсь. Рука лежит на прохладной обложке фотоальбома о творчестве Дюрера. Открываю наугад. «Мария с гвоздикой». Одна из моих любимых картин.

То самое место и то самое время.

Третий день переписи населения с утра встретил проливным дождём. Октябрь в этом году не баловал солнечными днями. Я люблю время листопада. У каждого оно своё, это время. Прекрасен ранний, августовский, момент увядания, когда первые жёлтые самолётики осени срываются с зелёных ветвей лета и, весело скользя, приземляются на яркие пятна астр, георгин, гладиолусов. Однако особенно хорош для меня момент позднего листопада. Люблю смотреть, как рано утром после первых заморозков в полнейшей тишине летят навстречу неизбежной зиме зрелые письма лета. Торжественное, многоцветное увядание.

Но сегодня был совершенно не тот день. Ветер трепал ветки, листья нервно срывались с деревьев и летели, оголтелые, к небу, потом к земле, бросались друг к другу на помощь и обречённо падали в грязь. Я открыла зонт, прижала покрепче свой зелёный портфель и вышла из подъезда.

Утренняя разминка на переписном участке, дежурный обмен мнениями с коллегами по цеху, и вот оно – счастье! Блестит и переливается стёклами окон, зазывая в один из многоквартирных домов по улице Немига. Счастье переписчика: чтобы все были дома и ответили на предложенные вопросы максимально быстро.

Часам к пяти, основательно вымокнув и заполнив все имеющиеся переписные листы, я отнесла их в главный штаб и по пути домой снова решила зайти в ЖЭУ: всё-таки стоило

поинтересоваться личностью хозяйки квартиры номер два дома по улице Раковская. К тому же странный сон не давал покоя. И неожиданная просьба...

Мирра Львовна вчера, после ухода незваного гостя, долго молчала, потом, видя, что я собираюсь уходить, совсем как-то по-детски приложила к тощей груди свои ивовые руки и попросила навестить её ещё один только раз. И такая в её глазах стояла тоска, что отказаться было невозможно. Тем более что переписной лист на неё я так и не заполнила.

– Девушка, подскажите, а где можно найти дворника, который убирает территорию двухэтажного дома на Раковской? – я назвала номер особняка.

– Дом, который выкупила фирма? – девушка лет восемнадцати старательно перебирала бумаги на столе, одновременно разговаривая со мной и поглядывая на экран бормотавшего в углу телевизора.

– Фирма? Какая фирма? Там же люди живут. Как может фирма купить дом вместе с жителями?

– Подождите, сейчас вспомню название. «Июль-сервис», кажется. Да, точно, частная строительная компания «Июль-сервис», – девушка пожала плечами. – Знаете, я эту историю не совсем хорошо знаю. Подойдите к нашему начальнику, она вам подробнее расскажет.

Начальником ЖЭУ, к моему удивлению, оказалась Мария Владимировна Кошелева – наша соседка. Редкая удача – встретить в незнакомом учреждении почти родного человека – соседа по лестничной площадке. Хотя, по-моему, она мне обрадовалась гораздо больше, чем я ей.

– Людочка, да ты вымокла вся! Заходи быстрее. Сейчас чаю поставлю, напою тебя, отоплю. День сегодня ненастный. А ты, я вижу, в переписной кампании принимаешь участие?

Я обречённо кивнула и пододвинулась ближе к обогревателю.

– Да, несладко вам приходится. Устала, милая?

Я снова кивнула и попыталась обнять закипающий чайник.

– Мария Владимировна, я к вам по делу. Скажите, что вы знаете про двухэтажный дом, который по улице Раковской расположен. Он у вас в подчинении числится.

– Это тот, который расселили недавно? Да что я скажу? Дом старый, их несколько таких осталось. У меня недавно телевизионщики были, фильм снимают. Документы спрашивали – как раз по истории улицы Островского. Так Раковская называлась с 1937 года. Знаешь, я ведь и сама некоторых фактов не знала. Вот, смотри, – Мария Владимировна достала из шкафа две увесистые, довольно потрёпанные голубые папки, туго перевязанные белыми тесёмками.

Она развязала тесёмки, и на волю выпорхнули многочисленные планы, отчёты, нормативные документы, касающиеся улицы Раковской.

«Именем Николая Островского улица стала называться с 1937 года. Старое название – Раковская. Жилой район вдоль улицы и севернее в XVIII–XIX вв. назывался Раковским предместьем. Застройка бывшего выезда из города на Запад, в сторону Ракова, начала формироваться ещё в средние века. До революции это был квартал доходных домов, плотно застроенный и густо заселённый. Он славился ремесленниками, но почти не имел магазинов. Здесь находились униатская церковь, кармелитский монастырь, Петро-Павловский монастырь, от которого сохранилась Петро-Павловская церковь. Во время гитлеровской оккупации часть района входила в состав еврейского гетто.

Улица Островского, как и улица Немига, была запечатлена в кадрах кинофильмов “Миколка – паровоз” и “Руины стреляют...”.

В 1968–1973 гг. историческая застройка бывшего предместья была снесена в связи с реконструкцией улицы Немига. Частично сохранились каменные дома на улицах Островского, Витебской, Освобождения, Замковой, Димитрова.

По улице Островского дом № 25, напротив кинотеатра, находился хлебозавод № 1, которому присвоено имя в честь 10-й годовщины Октябрьской революции. Производство здесь началось в 1927 году. После войны, в 1946 году, завод восстановлен и расширен».

– Интересная справка, – чихнув в десятый раз, я попыталась собрать разлетевшиеся документы. – Кто это написал?

– Покажи-ка. Сейчас вспомню. Это до перестройки было, в восемьдесят пятом, кажется. Я тогда секретарём здесь работала. Да, точно. В этом году я замуж вышла, поэтому и запомнила. Так вот, приходил к нам мужчина, информацию искал о жителях улицы Раковская. Всё спрашивал, кто остался из стариков. Говорил, в Великую Отечественную его мать здесь жила некоторое время. Где-то он и о себе написал... Здесь должен листок быть с адресом и фамилией. Сказал, что интересуется историей. А это с собой принёс. Ну я и положила в общие документы. Давно это было, а вот, поди ж ты, пригодилось. Тут целая поэма.

– Повесть, – машинально поправила я.

– Что?

– Поэма – это в стихах, а здесь, скорее, повесть.

– Ну и ладно. Бог с ней, с этой повестью. Главное ведь в любой улице что? – Мария Владимировна подняла вопросительно указательный палец. – Главное – это люди. А людей там почти не осталось. Значит, и улица уже не та. Домов несколько жилых, остальные под офисы, магазины проданы. Хотя и этот особняк ещё весной продали. Название такое у фирмы – с летом связано. «Летние услуги»? «Сервис в августе»?

– «Июль-сервис»?

– Кажется, да. Точно, вспомнила. Строительная компания «Июль-сервис». Хозяин – грозный мужчина – всё молчит да бумаги подписывает. Пока у нас был, кроме «здравствуйте» и «до свидания», пару фраз бросил: «дайте паспорт на дом», «все ли прописанные живут в доме». Поломанный он какой-то.

Я вспомнила неадекватного гражданина, который вчера чуть не посадил меня в алюминиевый таз с кошачьим кормом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.